

РЕЦЕНЗИИ

С.С. АЛЫМОВ. Рец. на: *Vermeulen Han F. Before Boas: The Genesis of Ethnography and Ethnology in the German Enlightenment.* Lincoln: University of Nebraska Press, 2015. 720 p.

Книга голландского историка и этнолога Хана Ф. Фермойлена “До Боаса: генезис этнографии и этнологии в эпоху немецкого Просвещения” затрагивает “вечные” вопросы истории и теории социокультурной антропологии. Автор формулирует их таким образом: “Когда возникла антропология? Как определился предмет ее исследований? Что было важнее в ее развитии: научная любознательность или колониализм?” (с. 1). Фундаментальный труд Фермойлена дает на эти вопросы важные и оригинальные ответы, которые следует услышать и учесть всем антропологам и историкам наук о человеке.

Книга посвящена, как следует из самого заглавия, главным образом ответу на вопрос: когда возникла антропология? Фермойлен отмечает большой разброс мнений относительно времени “происхождения” данной науки. С одной стороны, антропологи, как правило, придерживаются общепринятого представления: она возникла во второй половине XIX в. в Западной Европе. В этот период основываются кафедры, научные общества и музеи, пишутся классические работы. Эта версия истории связана с каноническим набором имен “отцов-основателей”, таких как А. Бастиан, Ф. Боас, Э. Дюркгейм, Л. Морган, Э. Тайлор и др. С другой стороны, историки пишут об антропологии XVIII в., эпохи Возрождения, об антропологических трудах древних греков, римлян и арабов, связывая истоки дисциплины с “отцом истории” Геродотом. С.А. Токарев решает эту проблему, разделяя этнографию как “накопленные знания” и этнографическую науку – самостоятельную область знания со своей “системой понятий, принципов и методов”. В его изложении история российской этнографии, как известно, начинается с “Повести временных лет”, а возникновение этнографической науки датируется серединой XIX в.

Фермойлен предлагает подход к истории науки как к генеалогии понятий или “концептуализации” этнографии/этнологии. Прежде всего его интересует генезис самого названия дисциплины. Возникновение “этнос-терминов” (*Völker-Beschreibung* – 1740, *ethnographia* – 1767–1775, *Völkerkunde* – 1771–1781, *ethnologia* – 1781–1783) “сигнализирует о возникновении самостоятельной науки о народах в XVIII в.” (с. 34). Однако книга Фермойлена – не только и не столько лексикографическая. Возникновение этих терминов связывается автором со становлением “исследовательской программы”, выделяющей свой объект и методы, и именно это становление является главным предметом рассмотрения ученого. Понятие “исследовательская программа”, заимствованное Фермойленом у теоретика науки И. Лакатоса, дает возможность проследить “науку в процессе становления” (с. 438), не оказываясь в то же время в ловушке анахронизма, уводящего “предысторию” антропологии ко временам Геродота или “Повести временных лет”. Сам автор определяет

Сергей Сергеевич Алымов | <http://orcid.org/0000-0001-9988-9556> | alymovs@mail.ru | к.и.н., научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

свой подход как сочетание исторического (в противовес “презентизму” по Дж. Стокингу), эмного и “парадигматического” подходов (с. 35).

Книга Фермойлена объемная и очень подробная, однако общая схема генезиса этнографии/этнологии довольно проста. Автор кратко излагает предлагаемые им три этапа этого процесса во введении и заключении (с. 1–2; 438). Первый – становление этнографии как дескриптивного изучения народов – связан с деятельностью немецких ученых и прежде всего Герхарда Фридриха Миллера, действительного члена Императорской Академии наук. В ходе подготовки и участия во Второй Камчатской экспедиции (1733–1743) Миллер разработал программу исследований в области “истории народов” (*historia gentium*). В 1840 г. он дал создаваемой им науке название “описание народов” (*Völker-Beschreibung*). Вторым этапом – “изобретение этнологии как обобщающей науки о народах в академических центрах Западной и Центральной Европы” – датируется 1770–1780-ми годами. В этот период публикуются немецкоязычные труды, предлагавшие классические определения “науки о народах”. Центральную роль на этом этапе играл историк Август Людвиг Шлецер, работавший в Санкт-Петербурге под руководством Миллера, а затем ставший профессором истории в Геттингене. Впервые термины *Völkerkunde*, *ethnographia*, *ethnologia* появляются в его работе “Allgemeine Nordische Geschichte” (Общая история Севера, 1771 г.) и конкретизируются в его учебнике всеобщей истории “Vorstellung seiner Universal-Historie” (1772–1775). Наконец, в 1781–1783 гг. словацкий историк Адам Франтишек Коллар под влиянием Шлецера формулирует задачи этнологии как изучения “происхождения, языков, обычаев и институтов различных народов, а также их прародины и древнейших поселений” (с. 445). Третий этап, охватывающий конец XVIII – начало XIX в., – это период распространения появившихся терминов и соответствующей исследовательской программы, основания журналов и написания работ по данной тематике в странах Центральной, Западной Европы и Америки.

Фермойлен приходит к следующему выводу: “отцами-основателями” этнографии следует считать историков Миллера, Шлецера и Коллара. Именно в среде немецкоязычных ученых, работавших в континентальных империях (Российской, Германской и Австрийской), возникла программа систематического эмпирического изучения “народов и наций” и их взаимного родства и происхождения. Именно в этой традиции возникли и “этнос-термины”, причем первоначально на немецком, а уже затем, следуя практике давать наукам красивые “античные” имена, – на греческом (с. 447). Путешественники, миссионеры и натуралисты, составлявшие описания заморских колоний Англии, Испании и Франции, считали объектом своего описания не “народы”, а “обычаи и обряды” (*manners and customs*), в то время как систематическое изучение родства народов в первую очередь на основе их языков, а также утверждение о центральной роли “народов” в описании всемирной истории – отличительная черта именно германского Просвещения. “Этнография родилась не из философии (Кант, Гердер и шотландские моральные философы), не из естественной истории (Линней, Бюффон, Блюменбах), а из истории и при поддержке лингвистики” (с. 456).

История этнографии, по Фермойлену, таким образом, начинается с идеи изучения родства народов на основе сравнительного изучения их языков. У истоков этой исследовательской программы стоял философ Готфрид Вильгельм Лейбниц, которому посвящена вторая глава книги. Лейбниц также был тесно связан с Россией; именно он явился автором устава Академии наук. Философ переписывался с Петром I и повлиял на целый ряд научно-организационных и политических начинаний монарха. Одним из важнейших мотивов его писем стала необходимость собирания лингвистического материала в Российской империи. Территория к северу от Кавказ-

ских гор (Скифия) играла ключевую роль в концепции Лейбница, верившего в кавказскую прародину человечества. Все языки распределялись философом по двум крупнейшим языковым группам: яфетической и арамейской. Яфетические языки делились на скифские (включавшие тюркские, славянские и финские) и кельтские (включавшие германские и кельтские). Таким образом, “Лейбниц считал, что Европа и Азия были населены выходцами из Скифии” (с. 65). Народы или “нации” понимались философом не политически, а как “группы людей, связанные историей и территорией и отличавшиеся прежде всего языками” (с. 67).

Третья глава работы посвящена своего рода “промежуточному звену”, связывающему исследовательские программы Лейбница и Миллера. Центральное место в ней отведено Даниелю Готлибу Мессершмидту – профессиональному ученому, исследователю, руководителю первой научной экспедиции в Сибирь, длившейся с 1719 по 1727 г. Экспедиция изучала (в т.ч.) сибирские народы и языки, а ее архив, в свою очередь, изучался В.Н. Татищевым и Г.Ф. Миллером. Научная деятельность и биография последнего детально рассматриваются в четвертой главе. Как уже было отмечено, Фермойлен считает Миллера ключевым персонажем становления этнографии, заложившим основы эмпирического изучения народов Сибири, этнографического метода, систематического сравнительного изучения народов (*Völker-Beschreibung*), и вдохновителем следующего поколения ученых. Далее Фермойлен анализирует датско-германскую научную экспедицию в Аравию (с участием Карстена Нибура, отвечавшего за географическую и историческую части программы), сравнивая ее с сибирскими исследованиями Миллера. Он утверждает, что эта экспедиция, несмотря на значительное количество этнографического материала, не стала толчком к созданию этнографии как науки, поскольку Нибур понимал нации-народы в географо-политическом, а не лингвистическом плане (с. 265) – что зависело не столько от взглядов исследователя, сколько от задач, ставившихся перед ним властями.

Тема отношений этнографии и колониализма неоднократно обсуждается в книге Фермойлена. В целом автор настроен достаточно критично к концепции ориентализма. Он признает, что академические экспедиции организовывались Российской империей с утилитарными и геополитическими целями. Тем не менее “Миллер и другие ученые – участники экспедиции не несут ответственности за русскую колонизацию Сибири” (с. 441), они не занимали постов в колониальной администрации, а результаты их исследований не интересовали власти и мало влияли на их решения.

Книга Фермойлена не ограничивается генеалогией этнологии. Она рассматривает краткую историю понятий “антропология” и “раса”, также являющихся ключевыми для генезиса современной социокультурной антропологии. Тем не менее Фермойлен показывает, что до XIX в. антропология представляла собой либо философские размышления о “человеческой природе”, либо “естественную историю человека” и его физического разнообразия (рас). В XVIII в. изучением народов занимались историки, географы и лингвисты, антропологией – теологи, врачи, анатомы, философы и натуралисты (с. 393), и поэтому две традиции развивались в значительной степени независимо. В XIX в. эти традиции смешиваются, этнология зачастую понимается как изучение рас. Фермойлен отмечает общий сдвиг в представлении о соотношении дисциплин, произошедший в 1830–1840-е годы: этнологию начинают рассматривать как изучение рас, и она становится частью обобщающей науки – антропологии. В то же время немецкая этнологическая традиция сохранила представление о множественности культур, отличное от понимания Тайлора и эволюционистов, именно ее принес в США Франц Боас. Фермойлен подчеркивает преемственность идей Боаса в рамках германской традиции (ориентация на язык, исторические взаимосвязи между народами, эмпиризм; с. 435). Таким образом, согласно

концепции Фермойлена, этнография, зародившаяся в работах немцев, служивших в Российской империи, получила окончательную институционализацию в качестве культурной антропологии в США.

Книга “До Боаса: генезис этнографии и этнологии в эпоху немецкого Просвещения” – безусловно, важное событие в истории антропологии, да и в истории идей и европейской науки в целом. Она содержит огромный фактический материал, основана на сотнях опубликованных и архивных источников, в т.ч. из РГАДА и СПФ АРАН. В то же время ее отличает целостная и стройная концепция. Все это не означает, что книга полностью лишена недостатков. На мой взгляд, некоторые звенья, связывающие описываемый автором интеллектуальный “линейдж”, кажутся достаточно шаткими, например, влияние Лейбница на Мессершмидта подтверждается лишь косвенно. Не вполне ясен, как признает сам Фермойлен (с. 206), и вопрос о концепциях этничности, бытовавших в России в XVII–XVIII вв., хотя автор исходит из представления о некоем произошедшем на рубеже этих веков повороте от классификаций, основанных на религии (иноверцы), к классификациям, основанным на этничности (инородцы, народности). В последних главах Фермойлен подробно описывает формирование антропологических обществ и других институций в странах Западной и Центральной Европы. Это, безусловно, полезные и важные сюжеты. Тем не менее германская этнология XIX в. оказывается несколько затеряна в потоке информации и рассмотрена слишком бегло, что является неожиданным упущением, т.к. концепция автора состоит в утверждении преемственности подходов этой традиции (от Миллера до Боаса). Впрочем, труд Фермойлена настолько амбициозен и фундаментален, что отдельные неизбежные лакуны будут только способствовать дальнейшей разработке поставленных в нем вопросов и выдвинутых гипотез. Это исследование должно войти в обязательную программу чтения для всех историков российской и мировой науки о человеке.

Book Review

Alymov, S.S. Review of *Before Boas: The Genesis of Ethnography and Ethnology in the German Enlightenment*, by Han F. Vermeulen. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2018, no. 6, pp. 198–201. <https://doi.org/10.31857/S086954150002459-4> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Sergey S. Alymov | <http://orcid.org/0000-0001-9988-9556> | alymovs@mail.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)